

КУЗЬМИН Денис Викторович

Независимый исследователь

Финляндия, Хельсинки

kusmiccu@hotmail.com

МУЛЛОНИН Ирма Ивановна

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Россия. Петрозаводск

mullonen@krc.karelia.ru

ИНТЕГРАЦИЯ РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ИМЕНОСЛОВА В КАРЕЛЬСКОЕ БЫТОВАНИЕ

Аннотация. В статье прослеживается процесс формирования карельского христианского антропонимикона в его связи с каноническими и народными формами русского православного именника. Показано, что после принятия православия в 1227 г. карельский дохристианский именник постепенно сменяется православным. При этом в карельском бытовании закрепляются русские мирские формы от адаптированных календарных личных имен, модификаты которых распространены на смежной русской территории. Образование последних происходило преимущественно путем усечения основ: *Грига* (Григорий), *Пента* (Пентелей), которые оформлялись нередко суффиксами (*Гриша, Грижно, Гриня*). Переходя в карельское бытование, они, с одной стороны, сохраняли некоторые русские диалектные особенности, с другой, подвергались существенной карельской фонетической обработке. В статье обозначены основные позиции фонетической адаптации русского именослова. В ходе интеграции происходила также морфемная адаптация. Выявлен набор прибалтийско-финских суффиксов, которые, присоединяясь к антропонимической основе, выполняют социальную и уменьшительно-ласкательную функцию.

Источником материала служит картотека многолетних полевых сборов антропонимии. Привлечены также данные по карельским фамилиям и топонимам, в которых законсервировались многие уже вышедшие из активного бытования варианты имен. Использовались и данные писцовых и переписных книг XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Карелия, карельский язык, антропонимия, христианские имена, языковые контакты, фонетическая и морфемная адаптация

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания ИЯЛИ КарНЦ РАН «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России в условиях цифровизации научных знаний», № 124022000089-4.

Для цитирования: Кузьмин Д. В., Мулло́нен И. И. Интеграция русского христианского именослова в карельское бытование // *Studia Nordica*. 2025. № 1. С. 56–83. DOI: 10.17076/sn3

Статья написана в рамках подготовки к 800-летию крещения карелов. Крещение, состоявшееся в 1227 г., привело к постепенному вытеснению традиционного карельского именника православным, воспринятым из

русского языка. При этом, не имея официального статуса, карелоязычные формы опирались на народные варианты календарных имен, бытовавшие в русской среде, в территориально смежных русских диалектных ареалах. Их усвоение сопровождалось значительной трансформацией звукового облика, а также суффиксальной обработкой.

Материал и история его исследования

Первые исследования христианского именослова карелов были предприняты в середине XX века финляндским исследователем Вильё Ниссиля, который обратился к ним прежде всего как к строительному материалу для ойконимов, бывших специальным предметом его внимания. Им подготовлено несколько важных публикаций¹, в которых впервые предложены этимологии десятков наименований населенных мест Карелии, ставшие уже классическими: карельское название села Пряжа *Teru* он связал с карельским христианским именем *Tero*, или *Teroi*, восходящим, в свою очередь, к русскому *Терентий*, соответственно в основе названия села *Dessoilu* (в русском звучании *Эссойла*) он реконструировал карельский антропоним *Jessi* ~ *Dessi* из русского *Ефим*² и т. д. Одна из последних работ В. Ниссиля — это список карельских христианских имен с русскими параллелями³. Он отражает удивительное разнообразие карельских народных вариантов православных имен. Мужское имя *Михаил* зафиксировано в материалах В. Ниссиля почти в 30 вариантах (*Mihki*, *Miihkali*, *Miikoi*, *Mikka*, *Mikušša*, *Mišukka* и др.), *Василий* почти в десяти. Многие из отмеченных в этом материале вариантов имен уже вышли из активного употребления, так что В. Ниссиля на самом деле сохранил для науки и истории один из элементов традиционной карельской культуры.

Среди российских исследователей одним из первых внимание на христианские имена карелов обратил А. И. Попов в связи с анализом

¹ Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistössä // Virittäjä. 1943. Nro 1. S. 46–78; Nissilä V. Lisiä venäläisperäisiin henkilönnimiin Itä-Karjalan paikannimistössä // Suomi. Kirjoituksia isänmaallisista aiheista. 1947. Osa 104. S. 1–40; Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylänimistössä // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. Vol. 72. S. 239–275; Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.

² Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistössä. S. 74, 59

³ Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran Toimitteita I. Helsinki, 1976. S. 43–172.

материалов писцовых книг XV–XVI веков, которые содержат обширные списки крестьян — плательщиков налогов⁴.

В Карелии начало сбора карельской антропонимии положил в 1960-х гг. В. Лескинен⁵, а в следующие десятилетия работу продолжили Н. Н. Мамонтова и И. И. Муллонен. Накопление антропонимических данных и их анализ происходили по-прежнему в контексте топонимических изысканий. В это время были установлены истоки ряда вепсских и карельских исторических ойконимов, образованных от антропонимов — как народных вариантов календарных имен, так и имен традиционного прибалтийско-финского антропонимикона⁶. Собственно антропонимические исследования, как и сбор полевых данных, планомерно ведутся с конца XX в. Д. В. Кузьминым. В области христианского именослова проведена инвентаризация карельских православных имен, выявлены многочисленные карельские народные варианты православных имен⁷. Некоторые наработки представлены также в неопубликованной кандидатской диссертации О. А. Карловой⁸.

Источником для анализа карельских христианских имен стала прежде всего картотека многолетних полевых сборов антропонимии. Следует, однако, признать, что многие традиционные карелоязычные формы христианских имен вышли из употребления — как в связи с процессом постепенной ассимиляции карельского населения, так и с распространением, особенно со второй половины XX в., новых и с утратой целого ряда традиционных канонических имен. Поэтому для реконструкции более полной системы привлечены фамилии карелов — как официальные, так и бытующие в деревенской среде т. н. уличные, в основах которых нередко сохраняются имена предков, родовые патронимы. Богатый источник карельского

---

⁴ *Попов А. И.* Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 46—66.

⁵ *Лескинен В. Т.* Карелы // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 157—160.

⁶ Древний Олонец / Науч. ред. С. И. Кочкуркина]. Петрозаводск, 1994; *Муллонен И.* Очерки вепсской топонимии. Петрозаводск, 1994. С. 95—102.

⁷ *Кузьмин Д. В.* Христианские имена карелов // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2. С. 56—86.

⁸ *Карлова О. А.* -L-овая модель в топонимии Карелии: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004.

христианского именослова — топонимия. Это прежде всего названия поселений (ойконимы), в которых законсервировались имена их основателей, нередко история глубиной в несколько столетий. Наконец, исключительно важный материал содержится в исторических источниках — писцовых и переписных книгах, актовых материалах, грамотах. При этом следует учитывать, что в официальных документах, описывающих население сугубо карельских поселений XVI–XVII в. — в силу самого характера источника — имена карелов записаны, как правило, в официальной или близкой к ней русской форме, что иногда создает неверное впечатление о языковой и этнической принадлежности их носителей. Карелизированные формы календарных имен — исключение. Карелы именуются в материалах писцового дела — наиболее массового источника антропонимов — русскими народными гипокористическими формами, абсолютно идентичными тем, которые присутствуют в аналогичных списках жителей русских поселений. Неким маркером карельских этнических корней носителя имени являются иногда патронимы, выступающие в связке с личным именем и имеющие безусловные карельские истоки. Среди жителей Олонецкого погоста названы Петрок *Вачюев* (карел. *Vaŋni* ‘Василий’), Гришка Иванов *Гангоня* (прозвище *Hangoriä*: карел. *hangoriä* ‘раздвоенная голова’), Родивонко *Тюкиев* и Гришка *Тюкуев* (карел. прозвищное именование *Tykeku*: *tykeku* ‘толстый, жирный’), Якуш Васильев *Онуева* (*Onni* ‘Анисим, Аникий’), Фетка *Варзакин* (видимо, нехристианский антропоним *Varzakka*, в котором *varza* ‘жеребенок’, оформленный характерным для традиционного карельского именослова формантом *-kka*) и др.⁹

Карельские дохристианские имена

До принятия христианства у карелов, как и у прибалтийских финнов сопредельных территорий, существовала дохристианская система личных имен. Исследователи полагают, что она имела общие доприбалтийско-финские истоки и включала ограниченное число двухосновных личных имен (*Mielivalta*, *Kaukomieli*, *Himavalta*, *Ihamieli*, *Montaneuvo* и др.) и их кратких вариаций

⁹ Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. С. 62–69.

(*Mieli, Valta, Kauko, Hima, Monta* и др.), оформленных нередко суффиксами (*Mielitty, Valtari, Kaukoi, Himačči, Montonen*)¹⁰. Высказано предположение о том, что традиционный прибалтийско-финский именослов состоял из 23 древних именных основ, выступавших в разных комбинациях¹¹. Но кроме этого он включал большое число именовании отапеллятивного типа (название представителей мира фауны, имена, связанные с обстоятельствами рождения ребенка, охранительные имена, имена-благопожелания и др.). Провести границу между дохристианскими личными именами и прозвищами затруднительно.

Редкие разрозненные сведения о традиционных карельских именах с прибалтийско-финскими корнями сохранились в письменных источниках, наиболее ранние из которых относятся к Новому времени, когда уже произошел решающий перелом в пользу христианского именослова, во всяком случае — на официальном уровне. Самые ранние свидетельства из Северного Приладожья, относящиеся к рубежу XIV–XV вв., сохранили берестяные грамоты (*Игала, Кавкагала, Гювиев сын, Мундуй, Вармин сын*)¹². Несколько более развернутый список содержат материалы писцового дела, государственные и частные акты XV–XVI вв. В писцовой книге Водской пятины 1500 г. упоминаются Степанко да Онкифко *Игаловы, Иголка* Ивашков (Иломаньский пог.), *Игандуй* Захаров (Кирьяжский пог.), в которых древнее прибалтийско-финское личное имя **Iha* оформлено суффиксами: **Ihala, *Ihanda* ‘восхитительный, красивый’. В структуре именовании *Новзейко Гандуев* (Кирьяжский пог.) **Nouziija* из карел. *noizija* ‘тот, кто растет, вырастет’, а патроним *Гандуев* — это искаженное *Игандуев*, в котором утвердилось имя **Ihanda* (см. выше). *Ускал* Ивашков (Соломянский пог.) и *Ускалик* сын Васька

¹⁰ Kiviniemi E. Rakkaan lapsen monet nimet. Suomalaisten etunimet ja nimivalinta. Espoo, 1982.

¹¹ Stoebe D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen in Rahmen eines urfinnischen Namensystems. Hamburg, 1964. S. 130–135, 140.

¹² Хелимский Е.А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В.А., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 252–259; Sarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North / Ed. by J. Nuorluoto. Helsinki, 2007. (Slavica Helsingiensia, 32). P. 196–246.

Ивашкова (Сердовольский пог.)¹³ сохраняют память о приб.-фин. антропониме *Uskali, которое принято возводить к апеллятивному гнезду *uskaltaa* ‘сметь, осмеливаться’¹⁴, хотя карельские языковые данные позволяют предложить для него и другие истоки, уместные в контексте мотивации: карел. *uskali* ‘находящийся на попечении, на воспитании’. Нехристианские имена, были, видимо, достаточно широко известны еще в середине XVI в. В связи с этим показательна грамота новгородского архиепископа Феодосия 1548 г., где отмечается, что в Водской пятине, частью которой был Корельский уезд, местные знахари «нарицают младенцов свойскими именами»¹⁵. Источники того времени говорят о сосуществовании христианского и нехристианского имен, которые имели соответственно официальное и семейное бытование. Один и тот же человек в разных документах мог именоваться *Kutsa Simanass(on)* (1590) и *Iwan Simanoff* (1618)¹⁶, *Коккой* Сидоров (1637)¹⁷ и *Petruska Sidoroff* (1631)¹⁸, *Käinkö Häurief* и *Якушко* Гяврюев (1637)¹⁹ и др. Как и в русской традиции, с переходом на христианский именослов прежние нехристианские карельские имена продолжали использоваться как внутрисемейные обиходные прозвания. Видимо, традиция давать ребенку в дополнение к официальному крестильному имени еще одно, некрестильное, или мирское, удерживалась в карельской среде, как и в русской практике, вплоть до XVII в., а возможно, и дольше. Об этом свидетельствуют многочисленные следы карельского нехристианского именослова в современных фамилиях — как наследие патронимов, т. е. родовых именований, сохраняющих межпоколенческую преемственность. При этом далеко не всегда в этом массиве некрестильных имен удастся провести границу между собственно личными именами и внутрисемейными мирскими именами и собственно прозвищами.

¹³ Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 12. С. 125, 135, 154, 173, 175, 185.

¹⁴ *Nissilä V. Vuoksen paikannimistö. I.* Helsinki, 1939. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 214). S. 377.

¹⁵ Письменные известия о карелах / Сост. С. И. Кочуркина, А. М. Спиридонов, Т. Н. Джаксон. Петрозаводск, 1990. С. 68.

¹⁶ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 273, 364.

¹⁷ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. II. Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. Йоэнсуу, 1991. С. 702.

¹⁸ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. 1987. С. 526.

¹⁹ Там же. С. 229, 660.

Память о древних личных дохристианских именах сохранилась и в топонимии, особенно в именовании населенных мест. Несколько примеров: дер. *Лембачево* в составе пос. Шуя: *Lembačču* в значении 'любимый', пос. *Гимолы* — карел. *Himol'a* (Мuez.): *Himo*, *Himoi* 'желанный, ожидаемый (ребенок)', д. *Ушкалы* — карел. *Uškali* (Мuez.): *Uškali (см. выше), дер. *Игаккала* — карел. *Ihakka*, *Игатчала* — карел. *Ihaččal* (Олон.): *Ihakka*, *Ihačča* от *iha* 'красивый, хороший', *Виллейтула* — карел. *Vil'l'oitul* (Олон.): *Vil'l'oittu* 'имеющий достаток, богатый' и др.

При этом многие сотни ойконимов основаны на антропонимах, которые можно квалифицировать как прозвище.

После принятия христианства традиционный ономастикон карелов существенно обновился. Дохристианские личные имена начинают постепенно выходить из употребления, а их место заняли имена христианских апостолов и святых, пришедшие из древнерусского православного именника. Наиболее ранние примеры бытования их в карельской среде сохранили берестяные грамоты и актовые материалы XIV в.

Далее предложен краткий экскурс в историю становления христианского именослова на Руси, необходимый для понимания формирования карельского православного именника.

Становление православного именника на Руси

Принятие христианства в качестве официальной религии сопровождалось внедрением христианского именослова. Переход на него знаменовал новую идеологию имянаречения по сравнению с традиционным. Право давать имена перешло церкви, которая проповедовала тесную связь человека со святым, именем которого он назван. Святой является его «небесным покровителем», заступником и защитником, а крестильное имя должно было мотивировать ребенка подражать тому святому, в честь которого он был назван²⁰.

Список первоначальных календарных имен домонгольского периода (XI–XIII вв.), судя по публикации миней того времени, предпринятой

²⁰ Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., 1998.

И. И. Срезневским, включал 330 мужских и 64 женских имени. На протяжении нескольких следующих веков православные крестильные имена мирно уживались с некалендарными мирскими именованиями. Однако в XVII в. ситуация начала меняться. Некрестильные имена были объявлены языческими, а крестильные — единственно возможными. Происходит резкое увеличение числа календарных имен, совпавшее с церковной реформой. В хождении оказались две канонические традиции употребления форм христианских имен: великорусская, в которой имена были уже освоены русским языком (*Егорий*, *Егор*) и церковнославянская (*Георгий*). Сторонники старой веры не приняли новое написание и сохранили старые канонические формы²¹, что нужно иметь в виду при анализе карельского христианского именослова.

Для понимания формирования карельского христианского ономастикона важно учесть, что календарные имена подвергались фонетико-морфологической адаптации, в результате чего рождались народные формы, упрощавшие произношение и добавлявшие новые семантические смыслы. Эти народные преобразования имен в специальной литературе обозначаются терминами «типокористики», «квалитативы» или «модификаты»²². Данный процесс можно проследить уже в источниках древнерусского времени²³, где сокращенные несuffиксальные имена, такие как *Грига* (Григорий), *Ера* (Ермил), *Коста* (Константин) и другие, представляют собой особый тип словообразования в системе модификатов. В документах XII–XV вв. можно найти разнообразные примеры таких имен, включая *Перха* (Перхурий), *Дема* (Демьян или Дементий), *Пента* (Понтелеймон > Пентелей), *Юра* (Георгий), *Ларя* (Ларион), *Меля* (Мелентий), *Ортя* (Ортем < Артемий), *Харя* (Харитон) и

²¹ Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен: (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М., 1969. С. 195.

²² Камлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004. С. 219–220.

²³ Толкачёв А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки // Этимология 1973. М., 1975. С. 79–121; Толкачёв А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имён греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Историческая ономастика. М., 1977. С. 72–130.

десятки других. Значительно более развернутый вид имеет ряд суффиксальных образований от этих основ. Среди популярных суффиксов - *к(о)* (*Сидко, Спирко, Климко, Павко*), -ак (*Петрак, Силак, Ермак, Спирык, Мишак*), -*х(а)* (*Ивоха* ← *Иона, Мелеха, Перха, Тимоха*), -*хн(о)* (*Грихно, Махно* ← ?*Мануил, Олехно*), -*ш(а)* (*Гриша, Иваша, Миша, Паша, Орша* ← *Ортемий*), -*н(я)* (*Ганя, Еня* ← *Есип* < *Осип, Проня*) и др. Большинство из них активно использовалось еще в дохристианском именослове (*Третьяк, Белохно, Домаша, Вышеня* и др.), откуда и перешло в христианский.

Интеграция русских личных имен в карельское употребление

В основе большинства разговорных личных имен карелов лежат не канонические русские крестильные имена, а их мирские варианты, бытовавшие и отчасти еще бытующие на смежной русской в языковом отношении территории и испытавшие влияние фонетико-морфологической системы севернорусских (в Карелии) и среднерусских (в Тверской области) говоров. К сожалению, несмотря на определенный исследовательский интерес к диалектным вариантам русских календарных имен, материал этот все же и собран, и исследован лишь фрагментарно. Поэтому в целом ряде случаев сложно установить, появился ли сокращенный вариант имени в русской практике и был в таком виде адаптирован в карельское бытование, или же усечение произошло только на карельском этапе. Судя по спискам антропонимов, дошедшим из документов древнерусского (XII–XIV вв.) и старорусского (XV–XVII вв.) периодов, усеченные основы (в самостоятельном использовании или оформленные суффиксами) были многочисленны. Это позволяет полагать, что в таком виде они проникли и в карельский именник, иначе говоря, сокращение (может быть, за исключением отдельных случаев) произошло уже в языке-источнике, т. е. русском.

Карельский православный именник демонстрирует удивительное многообразие народных вариантов календарных имен. Особенно многочисленны модификаты наиболее популярных в народной среде имен. Наглядный пример — около сотни таких номинаций от канонического

мужского имени Иван²⁴: *Conkki, Conski, D'ava, D'evana*D'uikki, Iba, Ibi, Ibo, Ibu, Ivukka, Iba*, Ihannus, Ihanus, Ihanti, Ihoi*, Iibo, Iikka, Iikki, Iin'a, Iipi, Iipoi, Iippi, Iipu, Iiputti, Iissu, Iitti, Iiva, Iivačči, Iivakka, Iivakko, Iivana, Iivari*, Iivatta, Iivatti, Iivi, Iivikki, Iivo, Iivoi, Iivu, Iivukka, Iivukki, Iivuli, Iivuška, Iivutti, Iivuičči, Intu, Ipa, Ipitti*, Ipka, Ipoi, Ippi, Ippo, Ipu, Isoi, Išoi, Iši*, Išu, Išukeki*, Išukka, Išukeki, Išukku, Iušoi, Iutti*, Iva, Ivačči, Ivakko, Ivan'oi, Ivančča, Ivanti*, Ivanuška, Ivaške, Ivaški, Ivaško, Ivašši, Ivoi, Ivukki, Janne, Janus*, Java, Javana, Jepukeki, Jonne, Jonski, Jovana, Juhana*, Jubo, Juka*, Jukki, Juko, Juppi*, Juška, Juško, Jussi, Jušši, Juva, Juvakka*, Juvana, Juvani, Juvo, Juvoi, Jöčy, Van'a, Van'ka, Van'kka, Van'kossu, Van'n'u, Van'oi, Van'u, Van'uša, Van'uški, Vana, Vanča, Vanči, Vani, Vankka, Vanni, Vanni, Vanoi, Vant'a*, Vantka.*

Фонетическая адаптация

В фонетической адаптации можно выделить два основных типа изменений:

Первый — фонетические черты, отражающие особенности смежных русских говоров. Наиболее яркими среди них являются следующие:

1. «Оканье», т. е. произнесение -o- на месте -a-:

Карельский вариант	Севернорусский вариант	Церковное имя
Obakka	Обакон	Аввакум
Ohto(i)	Овтоном	Автомон
Ovaška	Офанасий	Афанасий
Ogi	Окулина	Акулина
Okki, Ogoššu	Огафья	Агафья
Okšu	Оксинья	Аксинья
Ol'o	Олександра	Александра

Впрочем, параллельно представлены и варианты без лабиализации²⁵: *Alekki* — Алексей, *Arči* — Артемий, *Anši* — Анисья, *As's'o* — Анастасия, *Aša* — Анна. Более того, наблюдается и обратное явление — функционирование

²⁴ *звездочкой отмечены реконструкции от фамилий и топонимов.

²⁵ Это могло быть вызвано и влиянием записи, представленной в святцах.

гласного *a* на месте исходного *o*. В результате нередко *-a-* и *o-*варианты сосуществуют: *As(s)ipra* и *Ossipra* < *Ocup*, *Drabima*, *Trobima* < Трофим, *Hata*, *Homa* < Фома, *Hatti*, *Hotti* < Фотий, *Havana*, *Hovana* < Фофан. Истоки этой непоследовательности в исходной русской системе, где тоже отмечаются вариативность и непоследовательность употребления инициальных *a* и *o*, связанные, видимо, с развитием аканья на Руси (неударный *o* стал произноситься близко к *a*), гиперкоррекцией при письменной фиксации, межслоговой ассимиляцией²⁶.

2. Иная огласовка *e*. Из русского православного именника воспринят широко известный в нем переход *e* в *o*, как в начале, так и внутри слова, имеющий глубокие исторические корни: *Houri* — Феврония, *Jouhki*, *Jouhko* — Ефим(ий), *Ofimja*, *Ofrima* — Ефрем, *Omena*, *Omti* — Емельян, *Outi* — Евдокия, *Poli* — Пелагея, *Torana* — Степан.

В карельских говорах есть также некоторые примеры, отражающие субституцию русского *e* в виде *a* и *i*, за которыми стоят севернорусские диалектные оригиналы, вызванные особенностью звучания *‘e* в позиции после палатализованного согласного в виде *и* или *‘a* [я]: *Sirkei* — Сергей, *Simana*, *Simppi* — Семен, *Pirbina* — Перфирий, *D’agori* — Егор, *Jarassima*, *Garassi* — Герасим. Случаи типа *Fari* — Ферапонт, *Savo* — Севастьян, видимо, опосредованы межслоговой ассимиляцией гласных.

3. В силу отсутствия в русской фонетической системе характерных прибалтийско-финских переднерядных гласных *ä*, *y*, *ö* карельские православные имена характеризуются заднерядным вокализмом. Карельские формы с переднерядным вокализмом единичны и являются следствием наличия передних гласных (*и*, *е*): *D’erimä* — Еремей, *Jermilä* — Ермил, *Sätäkëkä* — Семен, *Ägräkkä* — Агриппина, *On’ek(k)ä* — Аникий.

²⁶ Гвоздева Е. А. К вопросу о фонетической адаптации мужских календарных имен в великорусской деловой письменности XIV–XVI вв. // Лексика русского языка и ее изучение. Рязань, 1988. С. 99–100; Ганжина И. М. Вокалическая субституция в области христианских русских имен: гласные в начале слова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 1. С. 142.

4. Среди более частных процессов русская альтернатива $n \sim m$ или $r \sim l$, воспринятая и карельскими православными формами имен: *Mikoi* — *Мика* (*Николай*), *Mikittä* — *Микита* (*Никита*), *Altukka* ~ *Artukka* — *Артюк* (*Артемий*), *Rigoli* — *Григорий*.

Второй тип объединяет трансформации, произошедшие непосредственно на почве карельского языка в соответствии с его фонологической системой. Отметим наиболее яркие явления:

В области гласных:

1. Удлинение ударного гласного первого слога исходного русского имени, сопровождающееся в соответствии с особенностями карельской фонетики дифтонгизацией: *Boobi* — Вова, *Juakko* — Яков, *Hiurei* — Гурий, *Hiekla* — Фёкла, *Viera* — Вера, *Lyyti*, *Lyyi* — Лидия. Этот же процесс характерен и для гласных первого предударного слога русских оригиналов, удлиняющихся или дифтонгизирующихся в карельских модификатах: *Duanila* — Данил, *Puabkomie* — Пахом, *Iibutti* — Иван, *Luikko* — Лука, *Tiavitta* — Давид, *Tiifrapa* — Труфан. Он вызван характерной для прибалтийско-финских языков ударностью первого слога. При этом в случае закрытости первого слога удлинения гласного в нем в большинстве случаев не происходит — возможно, из-за развившейся геминии согласного.

2. Наращение финальной гласной при адаптации мужских имен с нулевым окончанием, причем, с соблюдением диалектной дистрибуции: *-a* (собст.-карел.) — *-и* (ливв.) — *-e* (люд.). В отсутствии категории рода мужские и женские имена имеют одинаковую структуру:

Русские	Зотик	Семен (Семак)	Хрисан (Крисан)	Акулина	Анастасия	Мария
Собст.- карел.	Soitikka	Čimakka	Kristana	Okulina	Nastas's'a	Man'ukka
Ливвик.	Sotikku	Čimakku	Kris's'anu	Okulinu	Nastas's'u	Mašukku
Людик.	Zotikke	Simakke	Krisan	Okulin	Nastas's'	Mašukke

При этом определенное количество форм с конечным гласным *-и* фиксируются и в собственно-карельском ареале расселения, и у карел-людиков. Видимо, по крайней мере, часть из них являлась первоначально диминутивами (см. ниже) полных личных имен, которые использовались, возможно, при именовании детей:

собст.-карел. *Harttu* Харитон, *Heŕri* — Федор, *Liŕri* — Алипий, *Tikku* — Тимофей; *Agru* — Агрипина, *Likku* — Елизавета, *Naŕri* — Анастасия, *Maŕri* — Марфа, *Okku* — Агафья;

людик.: *Abru* — Авраамий, *Koŕtu* — Константин, *Kuttu* — Кузьма, *Pedru* — Петр, *Pottu* — Потап, *Šanttu* — Александр, *Uŕtu* — Устин, *Vakku* — Василий; *Nastu* — Анастасия, *Ogu* — Агафья.

Не вполне понятен и генезис карелоязычных форм христианских имен с финалью *-е*, которые известны далеко за пределами людиковского ареала, где они закономерны. Они фиксировались уже в XVI–XVII вв. на территории Корельского уезда: *Kontke* — Конон: *Contke Tijranss* (1590), *Koske* — Константин: *Coske Wskalss(on)* (1590), *Marcke* — Марк: *Marcke Halisenss* (1590), *Mihke* — Михаил: *Michke Michkelss(on)* (1590), *Mokke* — Мокей: *Mäckens hemman* (1618), *Onaske* — Ананий: *Läskesen Onaske* (1618), *Ronke* — *Родион: *Ronke Wasilanpoika* (1618), *Roske* — Трофим: *Roske Jwananpoika* (1618)²⁷.

Некоторое их число сохранилось и в современном карельском именослове у собственных карелов и ливвиков: *Bor'ke* — (Борька или Борько) Борис, *Dor'ke* — (Дорька) Дорофей, *Far'ke* — (Фарька) Ферапонт, *Hot'ke* — (Фотька) Фотей, *Kiške* — (Кишка) Никита, *Luške* — (Лушка) Лука, *Man'ke* — (Манька) Мария, *Meške* — (Мешка) Дементий, *Zanke* — (Занька) Захарий. Видимо, такой облик финали обусловлен фонетически: практически все примеры входят в один тип — образования на *-ка/-ко* от мягких основ, которые как раз могли провоцировать в карельских репликах редукцию гласного второго слога.

²⁷ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. 1987. С. 272, 268, 272, 267, 307, 326, 370, 281.

В области консонантизма отмечаются специфические трансформации консонантных кластеров, включая упрощение начальных сочетаний согласных, субституция согласных и различные типы ассимиляции.

1. Характерное для карельской фонетической системы отсутствие сочетания согласных в абсолютном начале слова приводило закономерно упрощению группы согласных в заимствованных русских именах путем утраты первого согласного или появления между ними гласного: *Demi*, *Miitka*, *Midru* — Дмитрий, *Riigo*, *Riissa*, *Riiska* — Григорий, *Lotona*, *Loto* — Платон, *Piira*, *Piiroi*, *Pirtana* — Спиридон, *Lokko*, *Valte* — Владимир, *Kopia*, *Kopoi*, *Rokko* — Прокофий, *Riiho* — Трифон, *Lemetti* — Климентий. При этом параллельно бытуют, пусть и в ограниченном количестве, формы с начальным сочетанием согласных: *Kriikko* и *Kriikki* — Григорий, *Triiho* — Трифон, *Trohko* — Трофим, *Platona* — Платон, *Prouhola* — Прохор, *Klaudi* — Клавдия. Они фиксируются уже в документах XVI в. Тем не менее, видимо, они имеют более позднее происхождение и закрепились в ходе распространения в карельской среде двуязычия.

2. Геминация согласных, затрагивающая многие согласные внутри слова: *On't't'i* — Антон, *Art't'oi* — Артем, *Mat't'i* — Матя, Матвей; *Arssi* — Арся, Арсений, *Jessi* — Еся, Евсей, *Mikenšši* — Микуша, Николай, *Pas's'o*, *Parassie* — Папа, Парасия, Параскева. Довольно последовательно геминируется конечный согласный двусложных имен: *Potappa* — Потап, *Arhippa* — Архип, *Ahappa* — Агап, *Ignatta* — Игнат.

3. Образование геминаты в результате ассимиляция русских палатальных *-л-*, *-н-* и *-с-*, соседствующих с *j*: *Il'la* — Илья, *Ul'lašši* — Ульяша (Ульян), *In'n'oi*, *Irin'n'a* — Ирinya, *Van'n'u* — Ваня (Иван), *Nastas's'a* — Настасья и др.

4. Особенности фонетической системы обусловили некоторую специфику в субституции русских звуков. Среди наиболее показательных случаев разные модели адаптации русского *в*, который в зависимости от фонетического окружения передается гласным *и* (*Audia* — Авдей, *Houri* — Ховра, Хевронья), преобразуется в карел. *b* (*Ibo*, *Iibu* — Иван), иногда в *h* (*Ahto*

— Автоном). В зависимости от диалектного ареала *й* передается через *j* (*Ješoi*, *Jušši*) или палатализованным *d'* как в начале (*D'ešoi*, *D'eša* — Еша, Ефим, *D'ušši* — Юша, Иван), так и внутри имен: *Il'd'a* — Илья, *Muad'a* — Марья. Диалектно обусловленным является также оглушение в северных и части южных говоров собственно карельского наречия: *Kalaška* — Галашка (Галактион), *Kauri* — Гаврил, *Tuarie* — Дарья; *Kušmi* — Кузьма, *Sossima* — Зосим. Наоборот, в южных наречиях происходит закономерное озвончение: *Birdoi* — Спиридон, *Gliimoi* — Клим, *Pedru* — Петр.

5. В этом же ряду специфических субституций — переход сильно палатализованной согласной *t'* (*d'*) или *s'* в аффрикату²⁸. Варианты имен с мягкой аффрикатой фиксируются в Карелии и на сопредельных территориях документами конца XV — середины XVI вв.: ср. Гридка Вачуев (1496, Купецкий Наволок, Шунг.), Петрок Вачюев (1496, Вачюево, Шунг.), Давыдко Гочюев (1496, Фоминская, Ошг.), Ивашко Мичюев (1496, Рыбежна, Ошг.), Микитка Федоров Мичюй (1563, Крошнозеро, Олон.), Микифорец Мичюй (1563, Ароевичи, Олон.)²⁹, Ларка Мичюев (1568, Горка Мичюево, Городенский погост)³⁰. В них *Vašoi* < *Vas'oi* — Василий, **Hoišo* — Хотей, *Mišoi* < *Mit'oi* — Дмитрий.

Несколько примеров из современного карельского именника: *Ančšo*, *Ončši*, (карел. **Ant't'o*, *On't't'i*) — Антон, *Arči*, *Arčši* (карел. **Art't'u*, *Art't'oi*) — Артем(ий), *Ivačši* (карел. *Ivat't'i*) — Иван, *Lyučši* (карел. *Lyut'i*) — Лидия, *Mačoi*, *Mačši* (карел. *Mat't'i*) — Матя, Матвей, *Oiči* (карел. *Out'i*) — Евдокия, *Tačši* (карел. *Tat't'i*) — Татьяна.

Этот же процесс затронул и начало имени, где инициальный *s* (иногда развившийся из *z*) воплотился в *č*: *Čakki* (карел. *Sakki*, *Zakki*) — Захар, *Čemo* (*Semo*) — Семен, *Čirkeka* (*Sirkeka*) — Сергей, *Čimi*, *Čimo*, *Čiimana*, **Čimakka* — Сима, Семен. Таков же алгоритм перехода начального *t'* в *č*: *Čiši* (*T'iša*) —

²⁸ Это явление прослеживается и в апеллятивной лексике, как правило, аффективной и дескриптивной, ср. *t'irčši* ~ *čirčši* 'привередливый', *tylččä* ~ *čylččä* 'тупой', *čurčettua* ~ *sursettua* 'журчать' (KKS).

²⁹ Писцовые книги Обонежской пятины: 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. С. 3, 7, 31, 37, 66, 68.

³⁰ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. 1987. С. 87.

Тиша, Тихон, *Šimoj* (*Timo*) — Тима, Тимофей, *Šokoi* (*Toke*) — Фёкла. Наконец, выделим в этом же ряду переход шипящего *š* (одиночного, чаще в виде геминаты) соответственно в *-čV* или *-ččV*: *Malašči* (*Malašši*) — Малафей, *Marčči* (*Maršša*) — Марфа, *Vuačči*, *Vači*, *Vaši*, *Vačči*, *Vačnikka* (*VuašV* и *VuaššV*) — Василий.

Есть основания полагать, что фрикативный *č* несет, как и в лексике, эмоциональную нагрузку. Она вполне уместна в антропонимах, бытующих на неофициальном уровне, в семейном кругу.

6. Значительной вариативностью отличается и субституция *φ*, которая, с одной стороны, наследует традиции, представленной в русских диалектных вариантах православных имен (*φ* → *x*), ср. рус. диал. *Ханёк* — Афанасий, *Хомушка* — Фома, *Хевря* — Феврония, *Химуша* — Ефимия и др. С другой стороны, звук чужд и для прибалтийско-финской фонетической системы. В карельском именослове прослеживается несколько вариантов восприятия исходной фонемы *φ*. Среди них:

φ → *b*: *Hatikka* — Фадей, *Oreba* — Арефий, *Jebri* — Ефрем, *Hedu* — Федул, *Hiltu* — Филат, *Sobro* — Софрон

φ → *v*: *Mikivara* — Никифор, *Parvoi* — Парфен(т)ий, *Vannikka* — Афанасия, *Virsi* — Фирс, *Vija*, *Vijja* — София

φ → *p*: *Ampi* — Анфиса, *Parboi*, *Parpei* — Парфентий, *Olperi* — Алферий, а также формы с геминатой: *Harpo* — Агафон, *Riippo* — Трифон, *Torppi*, *Troppi* — Трофим

φ → *hk*: *Jarahka* — Ерофей, *Joubkima*, *Obki* — Ефим, *Nebko* — Нефонт(ий), *Rohki*, *Rohko* — Трофим, *Sohkoi* — Софон. Видимо, модификацией *hk* является гемината *kk*: *Jekki*, *Jekkimä* — Ефим, *Huokka* — Фофан, *Nekka* — Нефонт(ий), *Trikki* — Трифон, который показывает способность к сокращению в одиночный *k*: *Triki*, *Varkoi* — Варфоломей

φ → *hp*: *Huohroi*, *H(u)ohrana* — Фофан, *Nehroi* — Нифонт, *Rohpi* — Трофим, *Sohroi*, *Šohroi* — Софон

φ → *hv*: *Huohvana* — (Фофан) Феофан, *Okahvie* — Агафья, *Tahvo* — Стафей, *Sehvo*, *Sohvon'a* — Софон.

Со временем фонема *-ф-* карельским языком была освоена, и такие формы канонических имен как *Fal'a* — Фалалей, *Feduri* — Федул, *Feŋi* — Федосья, *Fekli* — Фекла и др. стали регулярными.

Консонантные группы внутри заимствованных имен в целом идентичны сочетаниям согласных в соотносимых русских именах. Но есть и исключения, вызванные внутренним переоформлением исходного звукового ряда: *Helka* — Фёкла, *Seke* — Сергей, *Prankeki* — Панкрат(ий), *Mitvora* — Митрофан, *Larna* — Ларион.

Механизмы морфемной адаптации русских христианских имен

Как и в случае фонетических механизмов адаптации, анализ особенностей усвоения морфемки христианских антропонимов позволяет выделить два ключевых направления. Первое направление проявляется в сохранении и переосмыслении русских словообразовательных элементов.

В карельское употребление переходили как неосложненные, так и суффиксальные образования от народных модификатов русских православных имен. Наиболее востребованными оказалась суффиксальная модель *-Vшка* — очевидно, в силу ее частотности в русской системе: *D'en'oška* — Денис, *Kalaška, Kal'oška* — Галактион, *Lipuška* — Филипп, *Martiška, Martuška* — Мартын, *Pir'uška* — Спиридон, жен. *Liituška* — Лидия, *Polaška* — Пелагея, *Sofuška* — Софья.

О традиционности этой модели в карельской христианской антропонимии свидетельствуют записи в документах XVII в. с территории Карельского Приладожья, входившего в то время в состав Шведского королевства. Она представлена множеством примеров, например, в переписной книге Корельского уезда 1618 г.: *Haleska Timåfeief*, *Petruska Sorpå*, *Hodoska Petrinpoika*, *Jevaska Wepsä*³¹ и др.

Многочисленны также воспринятые из русского народного именослова образования с формантом *-ша*, отмеченные неоднократно, например, в материалах писцового дела по Корельскому уезду за 1618 г.: *Pesni Jyrinpoika*,

³¹ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. 1987. С. 305, 314, 322, 375.

*Petrusa Pitkoieff, Pedrin Uliascha, Ortysa Wepsä*³² и др. В современном бытовании по крайней мере за частью из них признается уменьшительно-ласкательная стилистика: *Van'ušši* — Ванюша, *Ol'eša* — Алеша, *Natašši* — Наташа, *D'emešši* — Демеша (Дементий), *Hil'šši* — Хильша (Филимон).

Второе направление связано с использованием собственных прибалтийско-финских суффиксов с диминутивной семантикой. Центральное место занимает древний прибалтийско-финский антропонимический формант *-oi* (> *-o*), перешедший из неправославного именослова и оформляющий народные варианты канонических православных имен. В полном соответствии с фонетическим развитием изначальный дифтонг *-oi* сохраняется в ливвиковском и преобразуется в монофтонг *-o* в собственно карельских говорах: *Mikoi, Mikeo* — Николай, *Ontoi, Ontto* — Антон, *Ort'oi, Ort't'o* — Артем, *Tehvoi, Tehvo* — Степан (< Стефан), *Gauroi, Kauro* — Гаврил, *Kiršoi, Kiršo* — Фирс, женские *Ančoi* — Анна, *In'n'oi* — Иринья, *Rebo* — Федосья, *Tad'd'o* — Татьяна. При этом формант выполнял, видимо, не столько уменьшительно-ласкательную функцию (хотя она не исключается), сколько социальную, сословную, соответствовавшую русскому суффиксу *-к(а)*.

В этом же ряду диминутивные образования карельских православных имен на *-i* — наследием практически утраченного древнего диминутивного форманта *-i* (который, собственно, признается структурным элементом суффикса *-oi*)³³: *Mačši* (с вариантом *Mačoi*) — Матвей, *Paušši, Paušoi* — Павел, *Terpi, Terpo* — Степан, *Jyrgi* — Егор, *Hetti* — Федот, *Zakki* — Захар, женские *Ulli* (с вариантом *Ull'o*) — Ульяна, *Miačši* — Мария, *Orpi* и *Orpo* — Ефимья и многие другие. Наиболее проблематичны формы с конечным *-и*, который, очевидно, может быть фонетическим вариантом *-o* (< *-oi*)³⁴. Формы на *-и* количественно лишь немногим уступают именам с конечным *-o*: *Herpi* — Федот, *Herppi* — Герасим, *Rabi* — Павел, *Hil'ši* — Филимон, *Ohri* — Ефрем, женские *Jepi* — Елена, *Mari* — Марфа, *Nari* — Анастасия. Карельский именослов являет и немало примеров сосуществования форм с конечными *-o* и *-и*: *Gaaro* и *Gaari* — Гаврил, *Harpo* и *Harpi* — Агапий, *Paukeo* и *Paukei* —

³² Там же. С. 288, 333, 363, 381

³³ Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. S. 144–145.

³⁴ Ibid. S. 152.

Павел, *Peŋŋo* и *Peŋŋi* — Петр и др., как и некоторых параллельных форм с конечным *-u* и *-i* (*Vaŋŋi*, *Vaŋŋi* — Василий, *Maŋŋi*, *Maŋŋi* — Мария) и более редких, но тем не менее вполне реальных параллелей *-i*, *-o*, *-u*: *Dekko*, *Dekki*, *Dekki* — Ефим, *Orro*, *Orri*, *Orri* — Ефимия, *Jokko*, *Jokki*, *Jokki* — Георгий. Иначе говоря, наш материал свидетельствует о единой природе этих форм, известных, кстати, и другим прибалтийско-финским именословам³⁵. Карельский материал не подтверждает гипотезу о гендерной дистрибуции в использовании этих формантов, высказанную на основе анализа водских имен, равно как и осторожное предположение о том, что имена могли заимствоваться не в форме номинатива, а в форме звательного падежа, наследием которого являются финали *-u* для женских имен и *-o* для мужских³⁶.

Второй диминутивный формант *-(i)ne ~ -(i)ni* имеет достаточно ограниченное бытование и в отличие от стилистически нейтрального *-oi* и его вариантов несет уменьшительно-ласкательную семантику. Такие формы имен были нередки, к примеру, в обращении к ребенку: жен. *Fekine* — Фекла, *Muarine*, *Muarjaine* — Мария, *Opiŋaine* — Ефимия, муж. *Mattine* — Матвей, *On'n'oni* — Андрей, *Pabuine* — Павел, *Sekkine*, *Simenäine* — Семен.

Сложнее определяется природа форманта *-kka* и возникших на его основе *-kki* и *-kko ~ -kko*. С одной стороны, они позиционируются как традиционные диминутивные форманты, продуктивные в карельской нехристианской антропонимии: *Ihakka*, *Haitukka*, *Kyllikki*, *Pörökki*³⁷. С другой стороны, в системе русских народных календарных имен выделяется целая группа модификатов с суффиксом *-Vк* (*-ак*, *-ук* (*-юк*), *-ик*, *-ок*), типа Ермак, Ивак, Симак, Мишук, Федюк, Сотик, Ванёк, Васёк, Петрок и т. д. Переход их в карельское бытование знаменуется наращением свойственной карельскому именослову конечного гласной, в результате они уподобляются карельским

³⁵ *Ariste P.* Einige Ausführungen zu wotischen Personennamen // Советское финно-угроведение. 1980. № 2. С. 81–82; *Saar E.* Slaavipärased eesnimed vädja keeles ja isuri keele Soikkola ning Alam-Luuga murdes: Bakalaureusetöö. Tartu, 2000; *Рожанский Ф. И.* О форме личных имен в водском языке // От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки: Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб., 2014. С. 302–316.

³⁶ *Рожанский Ф. И.* О форме личных имен в водском языке. С. 311–314.

³⁷ *Forsman A. V.* Tutkimuksia suomen kansan persoonallisen nimistön alalta. I. Helsinki, 1891.

именам на *-kka*: собст.-карел. *Jormakka* или ливв. *D'ormakki*, *Iivakka*, *Šimakka*, *Mišukka*, *Fed'ukka*, собст.-карел. *Soitikka*, ливв. *Sotikki*. Группа обширна, собственно, образования на *-kka* количественно мало уступают именам группы *-oi*. При этом наравне с вариантом *-kka* широко известны варианты с формантами *-kki* и *-kko*. Несколько примеров: *Hod'ukki* — Федор, *Jerikki* — Иван, *Mirokki* — Мирон, *On'n'ikki* — Андрей, *Romikki* — Роман, *Sorikki* — Софрон, *Šamikki* — Самуил, *Vil'okki* — Филипп, *Glašikki* — Клавдия, *Liššikki* — Елизавета, *Malokki* — Мелания, *Solokki* — Соломония.

По-видимому, при формировании карельского христианского именника, с одной стороны, происходило переосмысление русских формантов и их сближение с исконно карельскими, а с другой — возникали уникальные карельские образования, для которых не существовало оригиналов в русской системе имен. Определить степень активности этого собственно карельского словообразовательного процесса сложно, так как остается неизвестным полный список русских модификатов, которые могли быть усвоены в карельском ономастиконе.

Столь же неоднозначна интерпретация карельского антропонимного форманта *-šši*, ограничено используемого в карельской православной ойконимии: *Натаšši*, *Нотиšša*, *Нотиšši* — Фома, *Ivanšša*, *Iivašši*, *Iivvišši*, *Iivašši* — Иван, *Laurišša* — Лаврентий, *Markašši* — Маркел, *Онаšši* — Ананий, *Riigašši* — Григорий, *Št'oranšša* — Степан. Он бытует в карельских и вепсских говорах на уровне апеллятивной лексики, и там его функциональное поле не вполне исследовано. По-видимому, он вобрал частично опцию диминутивного форманта *-kka*, используется также для выражения подобия того, что названо производящей основой — как именной, так и глагольной. Важно, что сохранились некоторые следы его бытования в дохристианском карельском ономастиконе, ср. в Заонежье в патронимах XVII в.: Микитка *Тукач*, Гаврилко Федоров *Каргач*, Иванко Микифоров *Телкач*, Михейко *Пыхач*, в том числе оформлен поссессивным суффиксом *-ов*: Клишко Степанов *Гемячов*, Степанко Юрьев *Рохачов*, Огафанко Матфеев *Ергачов*³⁸. Однако остается вопросом,

³⁸ Муллонен И. И. Карельское антропонимное наследие в русском Заонежье // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 4. С. 264–282.

перешел ли он напрямую в православную антропонимию или же был использован для адаптации русской суффиксальной антропонимной модели, подобно тому, как это произошло с формантом *-kka*. На роль последней может претендовать русский суффикс *-eu* с уменьшительной семантикой. Считается, что он был обычным в собственных именах лиц в московский период: ср. *Василец, Назарец, Юрец* и т. д.³⁹ Он зафиксирован документально в Водской пятине XVI в. в именах карельских своеземцев — местной феодальной знати: Богданец Фомин Рокульский, Иванец Федоров сын Ворсин, Матвеец Иванов, Миронец Васильев Рокульский, Михалец Федоров Воронкин, Михеец Фофанов и др.⁴⁰

Относительная фонетическая близость, особенно в связи с севернорусским неразличением *и* и *ч*, могла спровоцировать корректировку в звучании русского форманта и сближение его с карельским антропонимным суффиксом. Соответственно, на появление женских разговорных вариантов на *-ŷV* могли повлиять такие русскоязычные канонические имена, как *Анница, Марьица, Марфица* и другие, которые неоднократно фиксируются в Корельском уезде в XVI в.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать вторичность карельской системы христианских личных имен по отношению к русской. При этом карельские номинации базируются на народных модификатах православных имён — сокращенных несуффиксальных или оформленных суффиксами. Они проникали через северно- (в Карелии) и среднерусские (в Тверской Карелии) диалекты и сохраняли их фонетические черты в языковой практике. Затруднительно ответить, насколько активно происходило формирование собственных карельских сокращенных квалитативов на базе канонических русских имен. Видимо, этот процесс не носил массового характера, поскольку для большинства карельских модификатов зафиксированы русские народные оригиналы. Другое дело, что последние

³⁹ Селищев А. М. Труды по русскому языку. Язык и общество. Том 1. Социолингвистика. М., 2003. С. 416–417, 454.

⁴⁰ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. 1987. С. 123, 124, 126, 129, 130, 132.

подверглись значительной карельской фонетической обработке, которая укладывается в языковые нормы карельских наречий.

Морфемная интеграция заключалась в использовании карельских (прибалтийско-финских) суффиксов с диминутивной семантикой. При этом в составе имен они несут не столько диминутивное значение, сколько выполняют функцию своеобразного знака сословной принадлежности носителя, подобно русскому форманту *-ка*.

Список литературы

1. Ганжина И. М. Вокалическая субституция в области христианских русских имен: гласные в начале слова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 1. С. 141–145.
2. Гвоздева Е. А. К вопросу о фонетической адаптации мужских календарных имен в великорусской деловой письменности XIV–XVI вв. // Лексика русского языка и ее изучение. Рязань, 1988. С. 97–105.
3. Древний Олонец / Науч. ред. С. И. Кочуркина. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. 149 с.
4. Карлова О. А. *-L-овая модель в топонимии Карелии: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Петрозаводск, 2004. 25 с.
5. Комлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI – XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004. 23 с.
6. Кузьмин Д. В. Христианские имена карелов // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2. С. 56–86.
7. Лескинен В. Т. Карелы // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 157–160.
8. Муллонен И. И. Карельское антропонимное наследие в русском Заонежье // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. № 4. С. 264–282.
9. Муллонен И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
10. Никонов В. А. Русская адаптация иноязычных личных имен // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 54–78.

11. Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 46–66.
12. Рожанский Ф. И. О форме личных имен в водском языке // От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб.: ИЛИ РАН, 2014. С. 302–316.
13. Селищев А. М. Труды по русскому языку. Язык и общество. Том 1. Социоллингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2003. 627 с.
14. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. Москва: Издательство АСТ, 1998. 521 с.
15. Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки // Этимология 1973. М.: Наука, 1975. С. 79–121.
16. Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Историческая ономастика. М.: Наука, 1977. С. 72–130.
17. Унбегаун Б. О. Русские фамилии / Под общ. ред. Б. А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
18. Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен: (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам) / Отв. редактор О. Ахманова. М.: Изд-во Московского университета, 1969. 334 с.
19. Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 252–259.
20. Ariste P. Einige Ausführungen zu wotischen Personennamen // Советское финно-угроведение. 1980. № 2. S. 81–82.
21. Forsman A. V. Tutkimuksia suomen kansan persoonallisen nimistön alalta. I. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1891. 253 s.
22. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. 3., korj. ja lis. pain. Helsinki: Otava, 1968. 527 s.
23. Kiviniemi E. Rakkaan lapsen monet nimet. Suomalaisten etunimet ja nimivalinta. Espoo: Weilin+Göös, 1982. 376 s.

24. Nissilä V. Vuoksen paikannimistö. I. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1939. 488 s. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 214.)
25. Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistössä // Virittäjä. 1943. Nro 1. S. 46–78.
26. Nissilä V. Lisiä venäläisperäisiin henkilönnimiin Itä-Karjalan paikannimistössä // Suomi. Kirjoituksia isänmaallisista aiheista. 1947. Osa 104. S. 1–40.
27. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1973. Vol. 72. S. 239–275.
28. Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu: Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö, 1975. 382 s.
29. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran Toimitteita I. Helsinki: Viipurin Suomalainen Kirjallisuusseura ry, 1976. S. 43–172.
30. Saar E. Vene õigeusu eesnimed vadija, isuri jaseto keeles. // Emakeele Seltsi aastaraamat. 2015. № 61. Lg.167–186.
31. Sarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North / Ed. by J. Nuorluoto. Helsinki, 2007. (Slavica Helsingiensia, 32). P. 196–246.
32. Stoebe D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen in Rahmen eines urfinnischen Namensystems. Hamburg: Leibniz-Verlag, 1964. 181 s.

Список сокращений

кар. — карельский язык

ливв. — ливвиковское наречие

люд. — людиковское наречие

собст.-карел. — собственно карельское наречие

Олон. — Олонецкий погост

Ошт. — Оштинский погост

Шунг. — Шунгский погост

KUZMIN Denis V.

Independent researcher

Finland, Helsinki

kusmiccu@hotmail.com

MULLONEN Irma I.

Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Russia, Petrozavodsk

mullonen@krc.karelia.ru

INTEGRATION OF THE RUSSIAN CHRISTIAN PERSONAL NAMES INTO KARELIAN USE

Abstract. This article traces the development of the Karelian Christian anthroponymicon in relation to canonical and folk forms of the Russian Orthodox name list. It is shown that after the adoption of Orthodoxy in 1227, the Karelian pre-Christian name list was gradually replaced by an Orthodox one. At the same time, Russian secular forms from adapted calendar personal names, whose modifications were common in the adjacent Russian territory, became entrenched in Karelian usage. The latter were formed primarily by truncating stems: *Griga* (Grigory), *Penta* (Pentelei), which were often formed with suffixes (*Grisha*, *Grikbno*, *Grinya*). While being adopted into Karelian usage, they, on the one hand, retained some Russian dialectal features, while on the other, they underwent significant Karelian phonetic processing. The article outlines the main points of phonetic adaptation of the Russian name list. Morphemic adaptation also occurred during the process of integration. A set of Baltic-Finnic suffixes has been identified which, when added to an anthroponymic base, perform a social and diminutive function.

The source material is a card index of long-term fieldwork on anthroponymy. Data on Karelian surnames and toponyms, which preserve many name variants no longer in active use, was also used. Data from census books and registers from the 16th and 17th centuries was also used.

Keywords: Karelia, Karelian language, anthroponymy, Christian names, language contacts, phonetic and morphemic adaptation

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences “Baltic-Finnic Languages of North-West Russia in the Context of Digitalization of Scientific Knowledge”, No. 124022000089-4.

For citation: Kuzmin D. V., Mullonen I. I. Integration of the Russian Christian Personal Names into Karelian Use. *Studia Nordica*, 2025, no. 1, pp. 56–83. DOI: 10.17076/sn3

References

1. Ganzhina I. M. Vokalicheskaia substitutsiia v oblasti khristianskikh russkikh imen: glasnye v nachale slova. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. “Philology”, 2015, no 1 pp. 141–145.

2. Gvozdeva E. L. K voprosu o foneticheskoi adaptatsii muzhskikh kalendarnykh imen v velikorusskoi delovoi pis'mennosti XIV–XVI vv. *Leksika russkogo iazyka i ee izuchenie*. Ryazan', 1988, pp. 97–105.
3. *Drevnii Olonets*. Ed. by S. I. Kochkurkina. Petrozavodsk, 1994, 149 p.
4. Karlova O. L. *-L-ovaia model' v toponimii Karelii*. Abstract of Ph. D. thesis. Petrozavodsk, 2004, 25 p.
5. Komleva N. V. *Antroponimiiia vologodskikh pamiatnikov ofitsial'no-delovoi pis'mennosti kontsa XVI–XVII vv.* Abstract of Ph. D. thesis. Vologda, 2004, 23 pp.
6. Kuz'min D. V. Khristianskie imena karelov. *Voprosy onomastiki*. 2016, vol. 13, no. 2, pp. 56–86.
7. Leskinen V. T. Karely. *Sistemy lichnykh imen u narodov mira*. Moscow, Nauka, 1989, pp. 157–160.
8. Mullonen I. I. Karel'skoie antroponimnoe nasledie v russkom Zaonezh'e. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2023, vol. 25, no. 4, pp. 264–282.
9. Mullonen I. *Ocherki vepsskoi toponimii*. Saint Petersburg, Nauka, 1994, 156 p.
11. Nikonov V. A. Russkaia adaptatsiia inoiazychnykh lichnykh imen. *Onomastika*. Moscow, Nauka, 1969, pp. 54–78.
11. Popov A. I. *Materialy po toponimike Karelii. Sovetskoe finno-ugrovedenie*. Petrozavodsk, 1949, pp. 46–66.
12. Rozhanskii F. I. O forme lichnykh imen v vodskom iazyke. *Ot Bikina do Bambaliumy, iz variag v greki. Ekspeditsionnye etiudy v chest' Eleny Vsevolodovny Perekhval'skoi*. Saint Petersburg, Institute of World Literature (Russian Academy of Sciences), 2014, pp. 302–316.
13. Selishchev A. M. *Trudy po russkomu iazyku. Iazyk i obshchestvo. T. 1. Sotsiolingvistika*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003, 627 p.
14. Superanskaia A. V. *Slovar' russkikh lichnykh imen*. Moscow, Izdatel'stvo AST, 1998, 521 p.
15. Tolkachev A. I. K istorii slovoobrazovaniia form so znacheniem sub"ektivnoi otsenki. *Etimologiya 1973*. Moscow, Nauka, 1975, pp. 79 – 121.

16. Tolkachev A. I. K istorii slovoobrazovaniia form so znacheniem sub'ektivnoi otsenki (kvalitativov) lichnykh sobstvennykh imen grecheskogo proiskhozhdeniia v drevnerusskom iazyke XI–XV vv. *Istoricheskaia onomastika*. Moscow, Nauka, 1977, pp. 72–130.
17. Unbegaun B. O. *Russkie familii*. Ed. by B. A. Uspenskii. Moscow, Progress, 1989. 443 p.
18. Uspenskii B. A. *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen. (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)*. Ed. by O. Akhmanova. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1969, 334 p.
19. Khelimskii E. A. O pribaltiisko-finskom iazykovom materiale v novgorodskikh berestianykh gramotakh. *Ianin V. L., Zalizniak A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. Moscow, Nauka, 1986, pp. 252–259.
20. Ariste P. Einige Ausführungen zu wotischen Personennamen. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 1980, no. 2, pp. 81–82.
21. Forsman A. V. Tutkimuksia suomen kansan persoonallisen nimistön alalta. I. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1891. 253 p.
22. Hakulinen L. *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. 3., korj. ja lis. pain. Helsinki, Otava, 1968. 527 p.
23. Kiviniemi E. *Rakkaan lapsen monet nimet. Suomalaisten etunimet ja nimivalinta*. Espoo, Weilin+Göös, 1982. 376 p.
24. Nissilä V. *Vuoksen paikannimistö. I*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1939. 488 p. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 214).
25. Nissilä V. Venäläisperäisiä henkilönnimiä Itä-Karjalan paikannimistössä, *Virittäjä*, 1943, no. 1, pp. 46–78.
26. Nissilä V. Lisiä venäläisperäisiin henkilönnimiin Itä-Karjalan paikannimistössä. *Suomi. Kirjoituksia isänmaallisista aiheista*, 1947, vol. 104, pp. 1–40.
27. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*, 1973, vol. 72, pp. 239–275.
28. Nissilä V. *Suomen Karjalan nimistö*. Joensuu: Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö, 1975, 382 p.

29. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. *Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran Toimitteita I*. Helsinki, Viipurin Suomalainen Kirjallisuusseura ry, 1976, pp. 43–172.

30. Saar E. Vene õigeusu eesnimed vadjä, isuri jaseto keeles. *Emakeele Seltsi aastaraamat*, 2015, no. 61, pp. 167–186.

31. Sarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents. *Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North*. Ed. by J. Nuorluoto. Helsinki, 2007 (Slavica Helsingiensia, 32), pp. 196–246.

32. Stoebe D.-E. *Die alten ostseefinnischen Personennamen in Rahmen eines urfinnischen Namensystems*. Hamburg, Leibniz-Verlag, 1964, 181 p.